

В.В. Двигалова

аспирант Санкт-Петербургского Университета Культуры и Искусств

weeds@yandex.ru

ИСКУССТВО ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХИАТРИИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА

В статье рассматривается проблема творчества душевнобольных с точки зрения феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа. Выявляются основные особенности художественного языка психопатологического искусства, а также его влияние на современное искусство.

The article deals with the problem of the mental patient's creativity in the context of the phenomenological psychiatry and existential analysis. The author identifies the main features of the psychopathological art. Also the author traces the influence of this art on the modern art.

Ключевые слова: феноменологическая психиатрия, экзистенциальный анализ, психопатологическое искусство, искусство душевнобольных, сюрреализм, арт-брют

Keywords: phenomenological psychiatry, existential analysis, psychopathological art, creativity of the mental patient, surrealism, Art Brut

Как возникает новый мир, новая реальность, которая не может быть целиком объяснена из уже существующего мира? Начиная с ранних трактатов, посвященных изучению природы художественного творчества, мыслители отмечали иррациональные, непостижимые механизмы этого процесса, невозможность выявления закономерностей, в соответствии с которыми осуществляется творческий акт. В диалоге «Ион» Платон приходит к мысли, что в момент творчества художник не отдает себе отчета в том, как он творит. Акт творчества демонстрирует способность художника выйти за пределы самого себя («ex-stasis», «ис-ступление»), когда его душа проникает в мир запредельных сущностей. Конечно, экстаз – это в некотором смысле безумие, изменение нормального состояния души, но это, по словам Платона, – божественное безумие, божественная одержимость¹.

Душевнобольные творят по тем же законам, как и здоровые люди, а потому наблюдение творческого процесса у постели больного, наблюдение самого творца и изучение его самого и творчества ему присущего может способствовать освещению темных недр творческого процесса вообще².

Для того, чтобы понять особенности творчества душевнобольных в контексте названной темы, необходимо рассмотреть основные положения и идеи экзистенциально-феноменологического направления в психиатрии.

Одним из главных трудов, касающихся вопроса развития философской мысли в клинической медицине, является монография доктора философских наук О. Власовой «Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ»³.

По мнению автора, феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ появляются в философском пространстве XX века, когда философия и психиатрия в поисках ответа на вопрос

© Двигалова В.В., 2014

¹ Кривцун О. Психология искусства/ О.Кривцун – М.: Высшая школа, 2009 - стр. 17.

² Карпов П. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники.
URL:http://www.medklassika.ru/karpov_1926/

³ Власова О. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ. История, мыслители, проблемы/ О.Власова – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010 – 639 с.

*В.В.Двигалова Искусство душевнобольных в контексте
феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа*

«Что такое человек?» обращаются друг к другу⁴. Многообразная проблематика феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа охватывает вопросы онтологии и гносеологии, антропологии и этики. В пространстве взаимодействия философии и психиатрии по-иному и с особой остротой начинают ставиться традиционные философские проблемы: проблема онтологических оснований бытия, критериев истинности опыта, экзистенциалов человеческого существования, процедур и методов познания человека, пределов и границ понимания другого и т.д. Новое движение в психиатрии «даровало больному экзистенциальный статус: он стал признаваться человеком, поскольку, как оказалось (вследствие смены интерпретативных критериев), способен к переживанию, конституированию мира и разворачиванию собственного «я»⁵. Представителями экзистенциально-феноменологического направления в психиатрии стали такие философы, психологи и психиатры как К. Ясперс, Э. Минковски, Э. Штраус, Л. Бинсвангер, М. Босс, Ж.-П. Сартр. Все перечисленные ученые имеют дело лишь с тем, что происходит в сознании больного, только с осознанными данностями психического. Феноменологическая психиатрия в обилии вариаций направляет свое внимание на непосредственный опыт взаимодействия человека с реальностью и проживание этого взаимодействия. Важнейшим ее исследованием является переход исследований психопатологии от психологической к экзистенциальной ориентации и возникновение новых ориентиров анализа⁶.

По К. Ясперсу феноменологическая психиатрия состоит из двух составляющих: собственно переживания больного человека и связь между ними. Для того чтобы понять внутренний мир переживаний пациента, необходимо его понять, в связи с этим возникает термин «понимание», как метод постижения взаимосвязей между феноменами, но не самих феноменов. Однако в своей работе «Общая психопатология» автор часто смешивает два разнородных понятия «понимание» и «феноменология». Феноменология имеет дело лишь с тем, что происходит в сознании больного, только с осознанными данностями психического. Тем самым Ясперс следует призыву феноменолога Э. Гуссерля, если говорить утрировано – «назад к вещам». Что стало некоей отправной точкой для развития феноменологической психиатрии.

Э. Штраус – немецкий психиатр-феноменолог, также обращается к исследованию мира душевнобольного, рассматривая феномены болезни. В ходе своих философских умозаключений он называет одной из особенностей больного сознания разделение мира внутри представлений пациента на субъективный мир сознания и объективный мир предметов и явлений, таким образом, опыт отдаляется от мира. Тем самым ученый выходит на проблему «Я – Другой». В своей работе «Эстеziология и галлюцинации»⁷ автор подробно описывает природу галлюцинаций, основываясь на то, что все, что затрагивает переживающего человека, является реальным, а значит и галлюцинации являются реальными, но относятся к сфере «дологической». Тема отвращения также прослеживается в исследованиях психиатра, так, например, человек, болеющий компульсивным⁸ расстройством, чувствуя отвращение от «Другого», постоянно моет и очищает свое тело, чтобы избежать гниения, которое преследует его в сознании. Обессивный⁹ больной, чувствуя отвращение, преследуем страхом и ужасом.

Таким образом, феноменологическая психиатрия в обилии вариаций направляет свое внимание на непосредственный опыт взаимодействия человека с реальностью и проживание этого взаимодействия. Важнейшим ее исследованием является переход исследований психопатологии от

⁴ Там же, с.9.

⁵ Власова О. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ. История, мыслители, проблемы/ О.Власова – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010 – с.594.

⁶ Там же, с.393.

⁷ Штраус Э. Эстеziология и галлюцинации // Экзистенциальная психология. Экзистенция. - М.: Апрель Пресс, 2001. - С. 133-144.

⁸ Одно из состояний психического расстройства, при котором больной безуспешно пытается избавиться от вызванной мыслями тревоги с помощью столь же навязчивых и утомительных действий.

⁹ Одно из состояний психического расстройства, когда у больного проявляются навязчивые, пугающие и мешающие мысли.

психологической к экзистенциальной ориентации и возникновение новых ориентиров анализа¹⁰.

Экзистенциальный анализ, непосредственно являющийся одним из составляющих, а также продолжением идей феноменологической психиатрии, сохраняет ее проблематику, но расставляет другие акценты.

Основоположителем экзистенциальной психологии стал Л. Бинсвангер, привлекая в психологию хайдеггеровское понятие «бытие-в-мире». Психиатр исходит из того, что исследование болезни не дает нового антропологического знания о человеке, а должно дать ответ на вопрос: что есть человек? В своем труде «О скачке идей», автор приводит пример изменения мыслей при маниакально-депрессивном психозе и трактует их как экзистенциально-антропологический феномен, пытаясь понять эти изменения в непосредственной данности. Л. Бинсвангера интересует не столько пример конкретного больного, сколько сама возможность человеческого существования. Притом, бытие человека рассматривается как «Dasein», в прямом его понимании, не разделяя человеческое существо на тело, разум и душу, а лишь воспринимая их как составляющие более общего понятия. Психиатр отмечает, что человек имеет не только мир-проект (то есть окружающий его мир), но и само-проект (возможность создания собственного мира). Это положение дает возможность о рассмотрении психического заболевания на экзистенциальной подоснове. Таким образом, психоз является некой формой бытия. Также как и для всех представителей феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа, переживания больного, для Л. Бинсвангера, онтологически истинны, а опыт так же реален, как и у здоровых людей, вопрос состоит лишь в том, чтобы понять его.

По-другому переложил идеи М. Хайдеггера М. Босс, выявив несколько составляющих (экзистенциалов) Dasein-анализа: пространственность, темпоральность, телесность, сосуществование, настроенность, историчность. Все эти характеристики составляют единое целое человеческого существования, но не подчинены друг другу. На основании этих экзистенциалов, по мнению М.Босса, можно будет дать «всеохватывающее и целостное определение человека, отбросив понятия тела, разума и психики»¹¹. Патологические изменения в психике происходят при нарушении «открытости» бытия, то есть при трансформации экзистенциалов. Так, например, меланхолик ощущает внутри себя лишь пустоту, неполноценность и бессилие, его существование всегда закрыто. Утрата открытости при шизофрении также приводит к появлению пустоты, человек перестает различать «реальное» и «нереальное». Таким образом, онтологические ориентиры существования и конкретное бытие человека по М.Боссу напрямую связаны между собой. Освобождение пациента, по мнению психиатра, может произойти только в случае, если врач сможет «расчистить тот просвет в бытии», каковым является Dasein больного.

Ж.-П. Сартр в своей ранней работе «Воображаемое. Феноменологическая психология воображения»¹² выдвигает несколько аспектов философской мысли, которые сыграли роль в плане отношения к феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа. По мнению философа, образы воображаемого не имеют значения пространственности и темпоральности. Эти категории становятся ирреальными, время может то замедляться, то ускоряться, а пространство способно сжиматься или раздвигаться. Воображаемое выступает как отрицание «бытия в мире». Эти характеристики очень схожи с экзистенциально-феноменологической психиатрией. Различие лишь в том, что Ж.-П. Сартр оставляет за воображаемым момент неподлинного бытия. «Отныне, мы в праве полагать, что индивиды могут быть распределены по двум большим категориям, сообразно тому, предпочитают они вести жизнь воображаемую или реальную»¹³.

Стараясь «понять» мир и переживания душевнобольного, исследователи называют основные

¹⁰ Власова О. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ. История, мыслители, проблемы/ О.Власова – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010 – с.323.

¹¹ Там же, С.418.

¹² Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения/ пер. с франц. М.Бекетовой – СПб.: Наука, 2001 – 319 с.

¹³ Там же, с.251.

*В.В.Двигалова Искусство душевнобольных в контексте
феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа*

категории, встречающиеся во внутренней экзистенции пациента. Таковыми являются отчуждение, отвращение, тоска, пустота, страх и ужас. Возникают проблемы в отношениях «Я/Другой», «Я/временно-пространственная реальность» и др. Главным утверждением представителей данного направления психиатрии является то, что внутренний мир, построенный в сознании душевнобольного, является для него таким же реальным, как и для здорового человека, а в связи с этим имеет право рассматриваться как существующий.

Таким образом, и вопрос о связи безумия и творчества в контексте экзистенциально-феноменологической психиатрии рассматривается с позиций реальной объективации собственного, «реального» сознания, воплощения экзистенции. Психопатологическое искусство относится к сфере «дологичного», «доопытного» и несет в себе нечто «прообразное», не связанное с культурно обусловленным опытом, выражающее экзистенциальную сущность человека. Такие переживания как страх, пустота, тоска, отвращение, отчуждение, ирреальность образов прослеживаются в работах душевнобольных. В зависимости от болезни и особенностей ее развития на картинах может наблюдаться искажение форм, пространства.

Предтеча феноменологической психиатрии К. Ясперс обращается к этой теме в своей патографии «Стриндберг и Ван Гог»¹⁴. Для полного анализа творчества приводятся сопоставления с фигурами писателей Э. Сведенборга, Ф. Гельдерлина, художников Ван Гога, Э. Йозефсона. Всех выше названных, для Ясперса объединяет одно понятие – «шизофрения». В начальной фазе психического заболевания, по мнению Ясперса, для больного открывается метафизическая глубина. Душа словно расслабляется, и дух прорывается на поверхность, объективируясь в произведениях искусства¹⁵. Происходит освобождение неких сил, мы видим зов их экзистенции, взгляд в абсолютное. В процессе развития болезни у больных складываются своеобразные мифы, которые они переносят в свое творчество.

Так, например, Ван Гог, пытаясь отобразить в своих картинах реальность, посредством сложного мифа (мира собственных переживаний), наоборот все больше и больше уходит от нее. В его картинах шизофренического периода (после 1888 г.) «все более развивается и выходит на первый план: расщепление поверхности картины геометрически регулярными, но чудовищно многообразными по форме мазками. Тут не только штрихи и полукружья, но свою роль играют и извивы, спирали, формы, напоминающие по виду арабские шестерки или тройки, углы, изломы; причем одновременно сосуществуют и повторение одних и тех же форм на больших поверхностях, и труднообозримая их смена. Воздействие мазков многообразно из-за того, что они располагаются не только параллельно, но и расходящимися лучами, и криволинейно. Уже это формообразующее кистеведение вносит в картины какое-то злое волнение. Земля ландшафта кажется живой, всюду чудятся вздымающиеся и опадающие волны, деревья – как языки пламени, все – в муках и извивах, небо колыхается»¹⁶.

Но при анализе протекания болезни в творчестве у Ван Гога проявляются лишь новые черты в письме, в то время как у Э. Йозефсона картины, созданные во время болезни кардинально отличаются от «здорового» периода. На них «спокойно, неэкстатично запечатлено волшебное, демоническое содержание, не имеющее определенной формы. Как у Сведенборга между ранними естественнонаучными и поздними теософскими трудами существует пропасть, так существует она и у Йозефсона»¹⁷. Э. Йозефсон пишет гротескно-фантастические и экспрессивные полотна.

Одним из главных факторов психопатологического искусства является несомненная оригинальность, либо новизна (если до этого больной уже имел опыт творчества). Э. Минковски в

¹⁴ Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гельдерлина. Серия: Библиотека зарубежной психологии/ пер. Г.Б.Ноткина - СПб.: Академический проект, 1999 - 240с.

¹⁵ Власова О. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ. История, мыслители, проблемы/ О.Власова – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010 – с. 218.

¹⁶ Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гельдерлина. Серия: Библиотека зарубежной психологии/ пер. Г.Б.Ноткина - СПб.: Академический проект, 1999 – с. 181.

¹⁷ Там же, с. 203.

*V. Dvigoalova The art of the mental patient in the context
of the phenomenological psychiatry and existential analysis*

размышлениях о личном порыве, обуславливающим результат произведения¹⁸, также говорит, что «порыв» больного нацелен прежде всего на оригинальность, правда при некоторых нарушениях, это не достижимо.

Большое значение в рассмотрении искусства душевнобольных занимает понятие «бессознательность». Вслед за З. Фрейдом, психиатры экзистенциально-феноменологической направленности считают бессознательность первопричиной, но с некоторыми поправками относят эту сферу к «дологическому», «доопытному». То есть психопатологическая творческая деятельность в контексте феноменологической психиатрии должна рассматриваться как «истинное искусство», не обоснованное задуманной идеей, а воспринимаемое как результат порыва, высвобождение неких метафизических сил. Нет здесь и намека на стереотипы культуры.

Проблема состоит в том, что представители экзистенциально-феноменологического движения рассматривали мир душевнобольного, равно как и творчество все-таки с психиатрической точки зрения, но, несомненно, определив четкое место творчества в мире душевнобольного и дав ему некий статус. Искусствоведческий анализ все же стоит проводить, опираясь на труды таких известных исследователей как Ч. Ломброзо, М. Нолдау, М. Реже, В. Монгельгаллера, Х. Принцхорна, П. Карпова, где все названные категории рассмотрены непосредственно на примерах картин пациентов (рис.1-2).

Рис. 1
Картина пациента с диагнозом
параноидальная шизофрения.

Рис. 2
Картина пациента с диагнозом
бредовое психотическое
расстройство.

¹⁸ Произведение здесь понимается в самом широком смысле, охватывая весь приобретенный во время болезни «опыт», включая творческую деятельность.

*В.В.Двигалова Искусство душевнобольных в контексте
феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа*

Достаточно вспомнить несколько работ, хранящихся в коллекции Х. Принцхорна. Йозеф Гребин, бывший купец, потерявший свою налаженную, статичную жизнь, погрузившись в хаос безумия, компенсирует это с помощью детальной проработки картин (рис.3).

Рис. 3
Автор Й.Гребин.
Из коллекции Х.Принцхорна
до 1945г.

Поль Гош отобразил свое ощущение посредством расчлененных частей тела, выражая чувство разбитости (рис.4).

Рис. 4
Автор П.Гош.
Из коллекции Х.Принцхорна до 1945г.

Эмма Хоук с помощью призыва «приди» превращает лист в графическую структуру. Барбара Сакфул писала то, что диктуют ей голоса, составляя из этого композицию (рис.5).

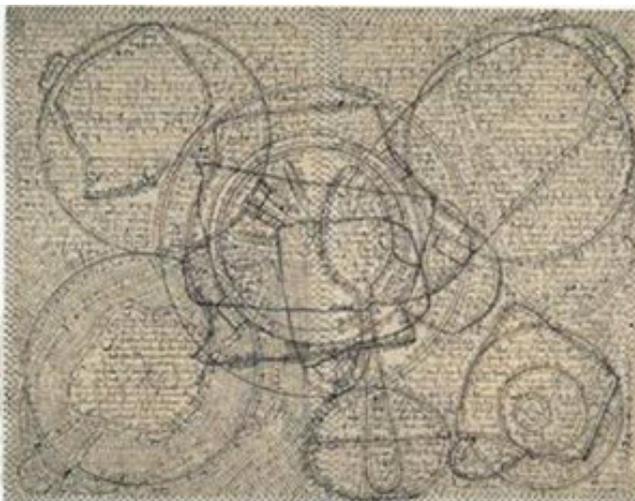

Рис. 5
Автор Б.Сакфул.
Из коллекции Х.Принцхорна до 1945г.

*V. Dvigalova The art of the mental patient in the context
of the phenomenological psychiatry and existential analysis*

На картинах душевнобольных можно проследить характерные особенности изобразительного языка. В первую очередь это колористическое решение, практически все произведения, созданные во время психического расстройства, написаны темными красками, иногда с вкраплениями ярких (обычно) красных пятен. Естественным для такого искусства является искажение форм (будь то пространственная композиция, либо фигура), часто в работах можно встретить нереальных существ (являющихся больным при галлюциногенном припадке). Главной особенностью можно назвать также общую наивность, примитивность изображаемого (это может быть выражено в орнаментальности, то есть плоскостности, в сопровождении рисунков поясняющими надписями и т.д.).

Влияние психопатологического искусства прослеживается в творчестве известных мастеров XX века, взявших за основу реальность душевнобольных людей. Это такие художники как М. Эрнст, П. Клее, С. Дали, Ж. Дюбюффе.

П. Клее и М. Эрнст часто разрабатывали в своих картинах характерные особенности шизофренической репрезентации: смесь элементов рисунка и письма, заведомое искажение фигур и форм, или превращение компонентов фигуры в орнаментальные структуры. В некоторых случаях П. Клее воспроизводит определенные части тела (например, лицо) на других участках картины или рисунка, чуть ли не буквально передавая шизофреническое чувство личностной дезинтеграции.

Бессознательная сторона патологического искусства завладела умами сюрреалистов, которые восприняли это как новый метод репрезентации собственного, индивидуального «Я». Обращаясь к галлюциногенной стороне болезни, художники воспроизводили ирреальные образы в своих произведениях, прибегая к гиперболизированному искажению форм.

Позже Ж. Дюбюффе воплотил свое увлечение творчеством душевнобольных в коллекцию «Арт-брют», объединяющую работы маргиналов. В отношении к экзистенциально-феноменологической психиатрии Ж. Дюбюффе из всех перечисленных художников является ближе всего к пониманию сущности душевнобольных. Так как в основу своей коллекции и дальнейшего творчества он берет идею отстраненности подобного искусства от реалий жизни, а значит от всего «человеческого», в частности культуры, которая, по его мнению, «ассимилирует новаторские течения в искусстве, тем самым лишая их подлинной экспрессии»¹⁹.

Там, где есть культура, обязательно существует целый набор запретов и ограничений, механизм подавления: искусство в таком контексте воспринимается как особая степень свободы, а безумие иногда прочитывается как тотальная свобода²⁰. В контексте экзистенциально-феноменологической практики – это и есть то самое высвобождение духа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова, Ольга. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ. История, мыслители, проблемы. М., 2010.
2. Демшина, Анна. Визуальные искусства в ситуации глобализации культуры: институциональный аспект. СПб., 2010.
3. Карпов, Павел. Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники. Ленинград., 1926.
4. Кривцун, Олег. Психология искусства. М., 2009.
5. Сартр, Жан-Поль. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб., 2001.
6. Штраус Эрвин. Эстеziология и галлюцинации. М., 2001.
7. Ясперс, Карл. Стриндберг и Ван Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гельдерлина. СПб., 1999.
8. Dubuffet, Jean. Asphyxiate culture. Paris., 1968.

¹⁹ Dubuffet J. Asphyxiate culture. / J. Dubuffet – Paris.: Minuit, 1968.

²⁰ Демшина А.Ю. Визуальные искусства в ситуации глобализации культуры: институциональный аспект / А.Ю. Демшина – СПб.: Астерион, 2010 – с.88.

*В.В.Двигалова Искусство душевнобольных в контексте
феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа*

REFERENCES

1. Vlasova, Olga. *Phenomenologicheskaya psihiatria i ekzistencialnyi analis. Istorija, mysliteli, problemy*. [Phenomenological psychiatry and existential analysis. History, thinkers, problem], Moscow, 2010.
2. Demshina, Anna. *Vizualnye iskusstva v situacii globalizacii kultury*. [Visual Arts in the situation of globalization of culture: the institutional dimension], Saint-Petersburg, 2010.
3. Karpov, Pavel. *Tvorchestvo dushevnobolnyh i ego vliyanie na razvitie nauki, iskusstva i tehniki* [Creativity of the mental patient and his influence on the development of science, art and technology], Leningrad, 1926.
4. Krivcun, Oleg. *Psihologiya iskusstva*. [Psychology of Art], Moscow, 2009.
5. Sartr, Jean-Paul. *Voobrazhaemoe. Phenomenologicheskaya psihologiya voobrazheniya*. [Imaginary. Phenomenological psychology of imagination.], Saint-Petersburg, 2001.
6. Shtraus, Ervin. *Esteziologiya i galyucinacii*. [Esteziologiya and hallucinations], Moscow, 2001.
7. Jaspers, Karl. *Strindberg i Van Gog. Opyt sravnitel'nogo patograficheskogo analiza s privlecheniem sluchaev Svedenborga i Gelderlina*. [Strindberg and Van Gogh. Experience of comparative analysis patografical involving cases of Swedenborg and Hölderlin], Saint-Petersburg, 1999.
8. Dubuffet, Jean. *Asphyxiate culture*. [Asphyxiate culture], Paris, 1968.